

Надежда Воронина

Тело как инструмент

Сегодня большинство современных фотографов обращается к теме обнаженного человеческого тела, следуя модным тенденциям. Часто это традиционно имеющая успех постановочная фотография, черно-белые картинки, и на них американские модели с капризными личиками эпохи rip-up.

Дитер Блюм — один из немногих классиков современной фотографии. Его имя уже стоит в одном ряду с Робертом Хойссером, Хельмутом Ньютоном и Лени Рифеншталь. Блюм работает в самых разных жанрах — от политического портрета до рекламы.

Он приобрел известность во второй половине 1970-х как фотограф журналов *Time* и *Vanity Fair*, но, прежде всего, как автор классического фотоальбома 1976 года — «Африка — очарование континента». Здесь Блюму удалось уйти от клише, от стереотипов восприятия экзотики.

Блюм снимал группировку НАТОвской авиации из люка летящего самолета, сидел на скале в шляпе со встроенной камерой, пытаясь поймать в кадр хищную птицу, посвящал целые фотосессии миру техники — поезда Японии, грузовики Италии. Однако и в этих работах он усматривал в колоннах машин практически физическую взаимосвязь.

Постепенно он пришел к пониманию человеческой телесности как самого гибкого материала для работы. и шагом в направлении балета стала съемка Майи Плисецкой, ее неповторимые, неклассические жесты.

На протяжении 20 лет Блюм работает с различной хореографией — от Мариуса Петипа до Пины Бауш и Мориса Бежара. В случае с классическим балетом он традиционен, а танцовщиков модерна он снимает, подчеркивая рваный ритм, дыхание, откровенную работу мышц и неприемлемую в классике демонстрацию физического усилия.

В работах Блюма всегда присутствуют ощущение пластики тел, тактильность, ощущение фактуры. И, как это ни фантастично, звук.

В первые годы работы с танцем Блюм фотографировал людей как объекты, благодаря которым музыка становится видимой. Тело человека для него — совершенный инструмент, произведение искусства.

В балетной теме Блюма критики часто усматривают чрезмерную эротичность. Однако невозможно бескомпромиссно говорить о...

ния о ритуальных танцах древности. Возможно, корни такого видения кроются в работе Блюма над «Африкой» и, в особенности, в общении с Леопольдо Сенгором — африканским этнографом и культурологом.

Фотографии Блюма заставляют чувствовать движение тел и слышать музыку (кстати, редкие качества Блюма в свое время отметил патриарх немецкого фотоискусства Хойссер).

В работе с модерном ему «банальная» скоростная съемка не давала искомого эффекта. И специально для Блюма оптики **Seitz** и **Leica** сконструировали уникальную фотокамеру с круговым охватом, с помощью которой Блюм добивается того, что мы, зрители, не видим, но ощущаем.

Во многих случаях контраст светотеней так велик и так ярко подчеркивает атлетические рельефы обнаженных танцоров, что вспоминаются рабы и атлеты Микеланджело. Вместе с тем это мир иллюзорности, почти сон, действительностью это можно назвать с трудом.

Фотографировать танцора — словно лепить из пластилина, но все-таки нужно знать, что лепить. Блюм создает свой, невесомый, балет, имеющий четкий ритм.

Тело, только тело и ничего больше — ни одежды, ни фона, почти полное отсутствие теней. Все это лишь подчеркивает его безграничные возможности. Поклонение человеку.

К процессу печати фотографий художник также относится по-особому. Он оцифровывает каждый снимок в количестве не более десяти экземпляров и переносит на акварельную бумагу большого формата. В этом кроется желание сохранить понятие оригинала, отказавшись от фотографической тиражированности.

